

Библиография

- Даркевич В.П.* Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
- Коран / Пер. с ар. и коммент. М.-Н. О. Османова. СПб.: ДИЛЯ, 2009.
- Корсун Н.Г.* Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ, 2004.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс; Универс, 1994.
- Турецкие сказки / Сост., пер с тур., вступит. ст. и примеч. И.В. Стеблевой. М.: Наука, 1986.
- And M.* Minyatürlerde Osmanlı-İslâm Mitologyası. İstanbul: YKY, 2010.
- And M.* Osmanlı Şenliklerinde Türk Sanatları. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 1982.
- İrepoğlu G.* Levnî. Painting, poetry, colour. İstanbul: MAS, 1999.
- Livaneli Z.* Mutluluk. İstanbul: Remzi, 2002.
- Yerdelen S. K.* Osmanlı şenliklerinde kullanılan nahıl, yapma bahçe, şekerden tasvirler ve tasarımcıları. URL: http://www.turkiyatjournal.com/Makaleler/502800387_OSMAN

М.Р. Сефербеков

КУЛЬТ ГОР У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ВИДЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ¹

В мифологиях народов мира гора — величественный природный символ вечности, превосходства, постоянства, чистоты, гармонии, устремленности и духовного подъема. У древних народов горы считались местом соединения неба и земли, центром или осью мира, обителью бессмертных богов. Вершины гор рассматривались как пуп земли, а иногда — как вход в тоннель, откуда начинается дорога в Царство мертвых [Вовк 2005: 76]. Гора была местом общения человека с богами, а вершина горы ассоциировалась с солнцем, дождем и богами-громовержцами [Купер 1995:

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ научного проекта № 16-01-00038.

59]. Мифологические функции горы многообразны. Гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации *древа мирового*. Она часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Мировая гора трехчленна. На ее вершине обитают боги, под горой (или в ее нижней части) — злые духи, принадлежащие к царству смерти, на земле (посередине) — человеческий род [Топоров 1994: 311]. В греческой мифологии горы — сестры *мойр* (богинь судьбы) и *харит* (вечно юных богинь, дочерей *Зевса*, олицетворяющих добро и радость). Они упорядочивают человеческую жизнь. По Гомеру, горы стерегут облачные врата Олимпа [Энциклопедия 1997: 123].

Культ гор играл важную роль в системе домонотеистических верований народов Дагестана. В соответствии с тем содержанием, которым наполняли культ гор, или оролатрию, исследователи этой ранней формы религии — Л.П. Потапов [Потапов 1946: 145–160], И.Л. Кызласов [Кызласов 1982: 83–92], С.А. Токарев [Токарев 1982: 107–113], видами и формами его проявления у народов Дагестана были следующие:

1. *Гора — грозящая опасность: мифологические образы злых горных духов. Горы как пристанища нечистой силы.* В соответствии с мифологическими представлениями народов Дагестана, гора (и ее производные — скалы, пещеры) как неизбежное и враждебное человеку пространство была одним из локусов обитания нечистой силы [Сефербеков, Махмудова 2005: 85–86]. Например, у аварцев-хунзахцев ведьма *Хьарт* обитала в горах, в пещере [Айтберов, Сефербеков 2011: 610]. Жила в пещере ведьма и у даргинцев [Исрапилова, Сефербеков 2010: 85]. У рутульцев домовая *Корчил/Кырчыл* и демон-антагонист беременных и рожениц *Эльбести* обитали в скалах и пещерах [Сефербеков 2014: 178–180]. В мифологии лезгин Самурской долины ведьма *Кыс-кафтар* и демон-антагонист рожениц *Ал наб* жили в скалах заснеженной горы Фалван [Сефербеков, Гаджиева 2011: 152–153]. Такой демонический персонаж народов Дагестана, как «Мать болезней», также искала пристанище в горах и скалах [Сефербеков 2014: 164].

Горы были также локусом обитания амбивалентных мифологических персонажей *Будулаал*, распространенных в фольклоре народностей аvaro-андо-дидойской этноязыковой общности. *Будулаал* обладали одновременно божественными характеристиками (патроны диких животных и охоты; в определенной мере управляли погодой) и в то же время были демонами (антагонисты беременных). Этот дуализм, на наш взгляд, кроется в двойственности мифологической характеристики самой горы: как элемент сакрального пространства в трехчастной картине мира по вертикали она относилась к божественному верху, а как компонент неосвоенного и враждебного человеку локуса — к месту обитания демонов.

2. *Духи горных перевалов*. Как указывал изучавший в 1927 г. верования аварцев известный этнограф Г.Ф. Чурсин, несмотря на горный характер их страны, у них нет сколько-нибудь явственно выраженных следов почитания горных перевалов. Все же, как отмечал Г.Ф. Чурсин, «при переходе опасных перевалов, некоторые, наиболее благочестивые авары призывают *Хызыр-Ильяса*, полагаясь на его помощь и защиту; другие поют *такпир*, песнь, которая поется, когда режут жертву-курбан (с. Орода). При переходе горного хребта некоторые, поднявшись на высшую точку перевала, восклицают: “Хвала *Аллаху!*”» [Чурсин 2008: 68]. Почитания духов горных перевалов не зафиксировано и у других народов Дагестана. Видимо, этот культ был поглощен исламом.

3. *Гора — промысловое угодье. Хозяева гор, священные покровители охотничьего и иного промысла*. В Дагестане горы и их склоны являлись промысловыми (охота, сбор съедобных трав), сенокосными и пастбищными угодьями сельских обществ, союзов сельских обществ или феодальных владений [Алиев 2014: 421–422]. Так, еще в древности гроты *Чинна-Хитта* и *Чувал-Хвараб-нохо* были святилищами, культовыми центрами промысловой территории обитателей Чохской стоянки эпохи мезолита [Котович 1984: 21].

У аварцев-каралальцев с. Урух-сота, Гочоб и Тлярош гора, на которой находился *Нахъа рохъ* («Задний лес»), была местом сбора черемши. Из части собранной черемши готовили пироги,

а другую часть сушили на зиму. Для этого черемшу заплетали в широкую и длинную косу, на одном конце которой из ее стеблей приделывались своеобразные «рога». Эта коса из черемши называлась *собоудул дегIен* («козел из черемши»). Возможно, что образ *собоудул дегIен* у каралалцев символизировал зооморфного духа растительности [Алигаджиева, Сефербеков 2013: 120]. Табасаранцы с. Атрик и Хурсатиль собирали щавель и черемшу на горе *Сулан-сив* («Лисья гора»). Склоны этой горы служили летними пастбищами нескольких союзов сельских обществ Табасарана. Сбор съедобных трав был только поводом для праздника, в ходе которого звучала музыка, исполнялись песни, устраивались танцы, игры и спортивные состязания. Из собранной черемши для детей изготавливали подобие кукол — *швурарин жакул* («кукла из черемши»). Она была величиной с ладонь, вместо головы устанавливали полевой цветок [Булатов и др. 2004: 216–217]. Эта кукла, по-видимому, считалась у табасаранцев олицетворением божества растительности (съедобных трав) [Сефербеков 2000: 15].

Что касается «Хозяев гор» и покровителей охотничьего промысла, то таковыми, как уже отмечалось выше, у народностей авро-андо-дидойской этноязыковой общности были антропоморфные амбивалентные (добродетельные божества и злокозненные демоны) горные духи *Будулаал* [Seferbekov 2012: 301–307]. В соответствии с верованиями аварцев, туры и другие дикие животные — это скот *Будулаал*. Охотнику достается только та дичь, которую уже съели, а затем оживили *Будулаал*. Они съедают мясо тура, затем кладут кости в его шкуру и оживляют его. Охотников, которые убивают дичь чрезмерно или охотятся на беременных самок туров, *Будулаал* наказывают, сбрасывая в пропасть или насылая на них камнепады. В то же время *Будулаал* помогают попавшим в беду охотникам, чабанам и путникам, если те обратятся к ним за помощью.

Будулаал были одновременно и демонами-антагонистами беременных. Проникнув ночью в жилище через дымоходное отверстие, дверной порог или окно, *Будулаал* крали плод из утробы отдельных богобоязненных и благочестивых земных женщин. При этом они оставляли на полу, пороге, подоконнике или ночной руба-

хе женщины несколько капелек крови. Говорили, что из украденного плода в дальнейшем получались *Будулаал* или ангелы *малаик* [Гаджиханов, Сефербеков 2010: 83–84].

4. *Зависимость земледельческих народов от осадков, концентрируемых на горных вершинах и ледниках: проведение обрядов вызывания дождя.* В некоторых случаях покровители гор, диких животных и охоты бывают связаны с осадками и погодой вообще. Например, у аварцев-келебцев горные духи *Мудулаал*, наряду с функцией патронажа диких животных и охоты, ведали и осадками. В соответствии с верованиями келебцев, *Мудулаал* обитали на священной горе Лъамир: ее еще называли *Мудалаазул* мегIер («Гора *Мудалал*»). При вызывании дождя к *Мудулаал* обращались со следующей просьбой: «Я, *Мудулаал*, анбиял, нужер ку-мак рахIмат кье! *ЦIоб* гIатIидав!» («О, *Мудулаал*, о святые, помогите нам! О милостивые!») [Сефербеков, Шехмагомедов 2015: 101].

В верованиях дидойцев горные духи *Будалаби*, обитавшие внутри горы Чипиро, также имели отношение к управлению погодой. В обряде вызывания дождя, проводившемся на вершине этой горы, для них на особой каменной плите оставляли внутренности жертвенного козленка [Сефербеков, Магомедов 2016: 70].

Следует отметить, что горы как элемент сакрального пространства являются у народов Дагестана локусом проведения магических обрядов вызывания дождя и солнца [Рамазанова, Сефербеков 2015а; Сефербеков 2015б; 2015в].

5. *«Почитание высот»: сооружение храмов, святилищ и жертвенников на возвышенностях.* По имеющимся у нас сведениям, возведение культовых сооружений на вершинах гор зафиксировано только у одной из народностей Дагестана — табасаранцев. Эти культовые сооружения, известные как «Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы», описаны Р.И. Сефербековым. По характеру группирования и конструктивным особенностям он классифицировал их на 1) установленные одиночно или в линию каменные плиты и 2) постройки прямоугольной формы. Как считает автор, эти сооружения, функционировавшие вплоть до 1930-х годов, были в прошлом языческими святилища-

ми, центрами культа богов-патронов союзов сельских обществ, астрономическими обсерваториями, местами проведения календарных обрядов, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов. С принятием ислама святилища были преобразованы в так называемые «открытые мечети» [Сефербеков 2014: 52–64].

6. *Обычай совершать сезонные (особенно весенние) обряды на возвышенностях.* К таким обычаям и обрядам можно отнести уже упоминавшиеся выше праздники сбора съедобных трав, такие, например, как праздник цветов *Цуькверин сувар* у лезгин Самурской долины [Булатова 1988: 61–62].

7. *«Мифологические» горы.* Как мы понимаем, «мифологическая» гора — это гора, с которой прежде всего связан какой-либо миф, она обиталище богов и демонов, на ее вершине проводятся календарные и иные обряды. Такая гора пользуется религиозным почитанием. Следует отметить, что в Дагестане нет такой горы, которая в равной степени почиталась бы всеми дагестанскими народами. Культ гор здесь носит региональный характер. У аварцев почитались Бахарган, Моду, Аддала-шухгель-мегIер, Цюбол-гохI, Ханибалъ, Къили-мегIер («Седло-гора»), Киделишан («Кукольная гора») [Агларов 1984: 36–38], у лезгин — Шалбуздаг, у лакцев — ВацIилу, у кайтагцев и агульцев — Джуфу-даг [Seferbekov 2016: 215–216]. С этими горами у народов Дагестана связаны многочисленные мифы, на их вершинах проводятся метеорологические обряды и магические ритуалы, связанные с народной медициной. Почитались не только горы, но и пещеры. Табасаранцы и другие народы Южного Дагестана обожествляли священную пещеру Дюрхъ [Сефербеков 2014: 181–186]. С принятием ислама эта и некоторые другие пещеры у табасаранцев стали исламскими религиозными святынями. Так, в с. Пилиг это были пещеры ГижатI хъар и Хючамукъарихъ, в с. Бухнаг — пещера Хъар, в с. Гарик — пещеры Ханарикк и Рабхру хъар («Гремящая пещера»), в с. Гасик — пещера КIултIин таб, в с. Халаг — пещера Гъигъримин хъар, в с. Яргиль — пещера АшвутI урхъ [Азизов 2002: 37, 50–52, 59, 73, 112, 119, 120, 124]. Табасаранцы с. Кужник, а также соседние даргинцы-кайтагцы почитали пеще-

ру, находящуюся под скалой-мостом Мучри гъяр [Сефербеков 2015: 375–377].

8. Еще одним видом проявления культа гор в Дагестане, на наш взгляд, является обычай устанавливать на вершинах гор и вообще на любых возвышенностях бронзовые зоо- и антропоморфные фигурки. Этим бронзовым статуэткам исследователи приписывают семантику божеств, связанных с плодородием и управлением погодой, патронов социума и посредников между богами и людьми. Например, дидойцы устанавливали эти бронзовые фигурки на вершинах гор Хилотл-остло и Кидилишан («Гора фигурок») [Мегрелидзе 1951: 281–291; Сагитова 2004: 175–177; Сефербеков, Магомедов 2016: 71]. Совсем недавно такая фигурка найдена в окрестностях даргинского селения Иргали, на вершине горы Мажи [Омаров, Сефербеков 2016: 94–98].

Традиция устанавливать бронзовые статуэтки на возвышенностях была в прошлом широко распространена в Дагестане и на Кавказе [Брилева 2012; Давудов 2016].

Таким образом, как это видно из представленного материала, такая ранняя форма религии, как оролатрия, имеет в Дагестане древнее происхождение. Виды и формы культа гор были разнообразны. С почитанием гор были связаны многочисленные мифы и другие фольклорные сюжеты, календарные и иные обряды. Горы были обителью божеств и демонов. На их вершинах устанавливались бронзовые фигурки, служившие посредниками между людьми и богами.

Библиография

Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (к изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 36–38.

Азизов Р. Населенные пункты Табасарана: Справочник. Махачкала, 2002.

Айтберов Т.М., Сефербеков Р.И. Образ ведьмы в мифологических представлениях аварцев-хунзахцев // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: Сб. крат. содержаний докл. Тбилиси — Гори — Батуми, 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси, 2011. С. 610.

Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-каралальцев // Кавказ и мир: Междунар. науч. журнал. Тбилиси, 2013. № 16. С. 117–128.

Алиев Б.Г. Земледелие и землевладение в позднефеодальном Дагестане. Махачкала, 2014.

Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.). М., 2012.

Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX — XX веках. Махачкала, 2004.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX — XX в. Л., 1988.

Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М., 2005.

Гаджиханов Я.К., Сефербеков Р.И. Боги охоты у аварцев // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2010. № 4. С. 83–84.

Давудов О.М. Антропоморфная пластика Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 2016.

Исраилова З.А., Сефербеков Р.И. Образ ведьмы в мифологических представлениях даргинцев // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2010. № 2. С. 85–88.

Котович В.М. Следы тотемических верований в древних изобразительных памятниках Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 11–22.

Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995.

Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2. С. 83–92.

Мегрелидзе И.В. Археологические находки в Дидо // СА 1951. № 15. С. 281–291.

Омаров И.И., Сефербеков М.Р. Бронзовая статуэтка из селения Иргали // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2016. № 2 (46). С. 94–98.

Потанов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Рамазанова З.Б., Сефербеков М.Р. Горы и пещеры в обрядах вызывания дождя и солнца у андийцев // Материалы региональной научной конференции «Этнографическое кавказоведение: традиции и перспективы», посвященной 80-летию со дня рождения профессора М.А. Агларова (г. Махачкала, 26–27 марта 2015 г.) (рукопись).

Сагитова М.Д. Культурная гора Кидилишавни: новые находки // Международная научная конференция «Древний Кавказ: ретроспекция культур», посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. М., 2004. С. 175–177.

Сефербеков М.Р. Оролатрия в Дагестане: пещера «Дюрхъ» // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2014. № 4. С. 181–186.

Сефербеков М.Р. Мифологические и обрядовые функции горы в верованиях народов Дагестана // XI Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. М.: Екатеринбург, 2015а. С. 342.

Сефербеков М.Р. Гора как элемент сакрального ландшафта в верованиях и обрядах народов Дагестана // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка», посвященной памяти М. И. Мижаева (пос. Нижний Архыз, 26–28 ноября 2014 г.) / Сост. М. М. Паштова. Майкоп, 2015б. С. 214–218.

Сефербеков М.Р. Культ пещер в «народном исламе» табасаранцев // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015в.

Сефербеков М.Р., Магомедов М.А. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры дидойцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. Махачкала, 2016. № 1. С. 67–80.

Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000.

Сефербеков Р.И., Махмудова Э.М. Представления о локусах обитания нечистой силы у народов Дагестана // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 2004–2005 гг.: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 85–86.

Сефербеков Р.И., Гаджиева Ф.Г. Мифологические персонажи традиционных верований лезгин Самурской долины // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 2011. Вып. 5. С. 149–153.

Сефербеков Р.И. Из мифологии рутульцев: реконструкция образов пантеона и пандемониума // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12 (50). Ч. II. С. 172–181.

Сефербеков Р.И. «Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы» — культовые сооружения табасаранцев // Исламоведение. Махачкала, 2014. № 3. С. 52–64.

Сефербеков Р.И. Мифологический персонаж «Мать болезней» в верованиях народов Дагестана // Кавказ и мир: Междунар. науч. журнал. Тбилиси, 2014. № 19. С. 164–173.

Сефербеков Р.И., Шехмагомедов М.Г. Мифологические персонажи аварцев-келебцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. Махачкала, 2015. № 3. С. 97–109.

Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // СЭ. 1982. № 3. С. 107–113.

Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1994. Т. 1.

Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. Р.И. Сефербеков. 2-е изд. Махачкала, 2008.

Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К. Королев. М., 1997. 592 с.

Seferbekov R.I. Patron Deities of the Hunt and Wild Animals in Dagestan // Iran and the Caucasus. Leiden; Boston, 2012. No. 16. P. 301–307.

Seferbekov M.R. Notes on Mountain Cults in Dagestan // Iran and the Caucasus. Leiden: Boston, 2016. No. 20. P. 215–218.

Л.А. Слестникова

СОВРЕМЕННАЯ КЕРАМИКА КРЫМА (ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ)

Традиция керамического производства в Крыму насчитывает не одно столетие. Археологические раскопки на Крымском полуострове дают обширный керамический материал как импортного, так и местного производства. По результатам археологических раскопок известны отдельные центры и образцы керамического производства на Крымском полуострове, относящиеся еще к IV–III вв. до н.э. Местное керамическое производство Крыма находилось под влиянием греческой культуры в античные времена и византийской в более позднее время [Зеест 1960; Керамическое производство 1966; Якобсон 1977; 1978, Тесленко 2010, Иванова 2013]. В VIII–IX вв. в восточной, южной и юго-западной частях Крыма существовали несколько крупных гончарных центров, производивших в основном строительную, хозяйственную и тарную (амфоры, фляги) керамику, т. е. неполивную, иногда с рифлением. Появление керамических центров на Крымском по-